

Зайцева Татьяна Борисовна

ЧЕХОВ И КИРКЕГОР О ЛЮБВИ-ВОСПОМИНАНИИ

В статье впервые выявляется и анализируется типологическое сходство художественно-философских концепций романтической любви-воспоминания в произведениях Чехова и Киркегора, основанное, по мнению автора, на близости их представлений об эстетическом и этическом способе существования. Автор статьи рассматривает и существенные различия взглядов Чехова и Киркегора, касающиеся их отношения к официальному христианскому браку.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/5/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 82-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

10. **Календарь: 1910** ел. Казан: Бр. Кәримовлар, 1909. 365 б.
11. **Серле сандык: 2003** ел / тез. Ф. Әхмәтханова, Р. Вәлиева. Казан, 2002. 24 басма табак.
12. **Серле сандык: 2006** ел / тез. А. Бариев, Ф. Нәгыймова, Ч. Сибгатуллина, Э. Сәлахова, Э. Жәлилова. Казан: Манзара, 2005. 24 басма табак.
13. **Стрельцов Б. В.** Основы публицистики. Жанры: учебное пособие. Минск: Университетское, 1990. 240 с.
14. **Сәбах календаре: 1911.** Казан: Сәбах, 1910. 365 б.
15. **Татар мөселман календаре: 2006** / тез. Ш. Зәбирова, Ф. Хужахмәт. Казан, 2005. 367 б.
16. **Тертычный А. А.** Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
17. **Хужа һәм хужабикә календаре: 2002** / тез. Р. Усманов, Х. Минһажева. Казан: Т.Я. плюс, 2001. 24 басма табак.
18. **Черепанов М. С.** Заметка и корреспонденция. М.: Изд-во Московского ун-та, 1954. 58 с.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF RECOMMENDATION AND MINI-ADVICE GENRES IN TATAR CALENDARS

Rezeda Lokmanovna Zaini, Ph. D. in Philology
Department of Tatar Journalism
Kazan' (Volga Region) Federal University
zaini@yandex.ru

The author discusses the questions of the origin and development of recommendation and mini-advice genres in calendars in the Tatar language, pays attention to the fact that before the appearance of newspapers and magazines these genres experienced the stage of formation and got further development in calendar publications, and also emphasizes that recommendation and mini-advice as genres continue to change and develop in today's wall and desk calendars.

Key words and phrases: printed calendar; calendar publication; Tatar calendars; genre; calendar genres; genre of recommendation; genre of mini-advice.

УДК 821.161.1.0

Филологические науки

В статье впервые выявляется и анализируется типологическое сходство художественно-философских концепций романтической любви-воспоминания в произведениях Чехова и Киркегора, основанное, по мнению автора, на близости их представлений об эстетическом и этическом способе существования. Автор статьи рассматривает и существенные различия взглядов Чехова и Киркегора, касающиеся их отношения к официальному христианскому браку.

Ключевые слова и фразы: художественная философия; экзистенциализм; эстетическая и этическая стадия жизненного пути; концепция романтической любви-воспоминания; двоемирие; разрыв между идеалом и реальностью; любовь-долг; брак.

Татьяна Борисовна Зайцева, к. филол. н., доцент
Кафедра русской литературы
Магнитогорский государственный университет
tbz@list.ru

ЧЕХОВ И КИРКЕГОР О ЛЮБВИ-ВОСПОМИНАНИИ[©]

Художественная философия Чехова, как подчеркивает В. Б. Катаев, «несводима к философским суждениям, логическим тезисам», и именно это обстоятельство сближает Чехова с философами-экзистенциалистами [5, с. 70]. Изящная литература, не теряя своего изначального предназначения и специфики, становится способом экзистенциального философствования, начиная с датского писателя Сёрена Киркегора, который, будучи блестящим оригинальным мыслителем, оставил заметный след и в истории европейского искусства слова.

Обращение к теме «Чехов и Киркегор» имеет под собой серьезные типологические основания. Например, С. Г. Бочаров обратил внимание на то, что «в европейской философии Киркегор возник на фоне Гегеля как философского “генерала”. Чехов в русской литературе явился на фоне Толстого и Достоевского» [1, с. 335]. Среди точек притяжения философии Киркегора и художественного представления жизни Чехова нужно особо отметить вопрос о любви.

В небольшой повести Киркегора «Повторение» (жанр этого произведения ученые устанавливают по-разному: от новеллы, автобиографии до философского трактата) исследуется поэтическая любовь юноши, которую Константин Констанциус, автор-псевдоним и персонаж «Повторения», определяет как *любовь-воспоминание*. «Мой юный друг влюбился искренно и глубоко, и все-таки он готов был сразу начать

переживать свою любовь в воспоминании. В сущности, значит, он уже совсем покончил с реальными отношениями к молодой девушке» [6, с. 28].

Воспоминание — неотъемлемый атрибут любви вообще, поскольку влюбленный готов переживать чувство, захватившее его, снова и снова, но только в любви-воспоминании психологическое время устремлено в прошлое, а реальный предмет любви уходит на второй план, поскольку мешает отойти от действительности на безопасное для идеала расстояние.

Любовь-воспоминание ярко характеризует всех киркегоровских эстетиков, но сложнее и колоритнее проявляется у поэтических натур, поэтов и художников. В основе подобной любви лежит романтический взгляд на мир, романтическое «двоемирие» и осознание романтическим героем собственной неповторимой исключительности. По словам современного философа, романтики рассматривали возлюбленную «как момент в их собственном внутреннем мире <...>, не сделав попытки трансцендировать, то есть не пережить в воображении, а обрести в реальности другое “я”, другую личность» [2, с. 128]. Сила и бессилие такой идеальной любви в аспекте ее отношений с реальностью чрезвычайно занимали датского философа, который сам отказался от брачной жизни ради жизни духовной и свой трагический разрыв с Региной Ольсен оценивал как необходимую жертву с ее стороны и «условие идеализации потерянной любви» [7, с. 21] со своей стороны. Чем больше Регина жила в его памяти, тем больше она «умирала» в реальном мире.

В другом произведении («In Vino Veritas») Константин Констанциус, выступая с речью на банкете, участника которого высказывают различные точки зрения на любовь и брак, подчеркивает огромную роль любви-воспоминания в духовной жизни мужчины: «Благодаря женщине в жизнь приходит идеальное. И кем был бы мужчина без него? Многие мужчины благодаря девушке стали гениями, иные из них благодаря девушке стали святыми. Однако никто еще не стал гением благодаря той девушке, на которой женился; поступив так, он сможет стать лишь финансовым советником. Ни один мужчина не стал поэтом благодаря девушке, на которой женился, ибо посредством этого он становится лишь отцом. Никто еще не стал святым с помощью девушки, полученной в жены, ибо кандидат в святые не получает в жены никого; когда-то он мечтал о своей единственной возлюбленной, но не получил ее. Точно так же кто-то стал гением, героем, поэтом — благодаря девушке, которая не досталась ему в жены... Или, быть может, кто-то все же слышал о человеке, который стал поэтом благодаря своей жене? Женщина вдохновляет, куда мужчина не владеет ею» [Цит. по: 10, с. 107].

Любовь-воспоминание становится предметом размышлений Киркегора и в его первой книге «Или-или». Ссылаясь на одного из авторов этого труда, Константин Констанциус замечает (с некоторыми оговорками), что «единственная счастливая любовь — это любовь-воспоминание или любовь, ставшая воспоминанием» [6, с. 21], что согласуется с письмом самого Киркегора к возлюбленной Регине: «Мгновение не покровительствует нам. Что ж, тогда предадимся воспоминанию. Это ведь моя стихия, воспоминания мои вечно свежи...» [Там же, с. 166].

Персонажи «Или-или» — безымянный автор «Афоризмов эстетика» и герой «Дневника обольстителя» Йоханнес — подчеркивают внеисторичность, вневременность любви-воспоминания, ее связь с вечностью: «Когда я вспоминаю какие-нибудь житейские отношения, они уже достояние вечности и временного значения не имеют» [8, с. 30]. «Вечный смысл любви заключается именно в том, что влюбленные как бы рождаются друг для друга в самый момент возникновения их любви» [Там же, с. 127]. Чтобы любовь не потеряла свою поэтичность, ее надо уметь сделать «абсолютной мистерией, поглощающей все историческое и реальное» [Там же, с. 126]. Пошлая и скучная альтернатива такой любви, по убеждению Йоханнеса, — женитьба, удел заурядных натур.

В «Афоризмах эстетика» киркегоровский эстетик обнаруживает противоречивость и двойственность любви-воспоминания, которая и прекрасна и губительна своим равнодушием к действительности: «По-моему, нет ничего пагубнее воспоминаний. Если какие-нибудь житейские обстоятельства или отношения переходят у меня в воспоминания, значит, самые отношения уже покончены. <...> Жить воспоминаниями — нельзя и представить себе ничего выше этой жизни: никакая действительность не может так удовлетворить, наполнить человека, как воспоминание; в воспоминании есть такая “действительность”, какой никогда не имеет самое действительность» [Там же, с. 30].

Романтическая любовь-воспоминание для киркегоровских героев, мир поэтических грез и фантазий — это отражение и источник эстетического в бренном мире, в постромантической действительности. Как замечательно выразился (правда, по другому поводу) литературовед Эрролл Дэрбах, «это мечта экзистенциально-го значения, которая игнорирует реальность до тех пор, пока способна держать ее на расстоянии» [4, с. 25].

Отношение самого Киркегора к любви-воспоминанию, как уже видно из вышесказанного, далеко не однозначно: страстное упоение, наслаждение эстетическим для романтика неразрывно связано с наслаждением своей личностью, эгоизмом, нередко с пренебрежением моралью (как в случае с Йоханнесом-обольстителем) и в конечном итоге несерьезностью в смысле неистинности существования.

Во многом изображение любви-воспоминания в произведениях Чехова перекликается с концепцией Киркегора. Эпиграф рассказа «На пути» отсылает читателя к стихотворению Лермонтова «Утес». «След» от случайной встречи останется в душах героев как воспоминание о любви, как любовь-воспоминание, которая могла быть, но не осуществилась, поскольку с самого начала перешла в мир высоких окрыляющих мечтаний. Для Лихарева любовь-воспоминание об умной чуткой девушке стала возможностью простить самому себе «неудачи, старость, бездолье» [14, т. V, с. 477] и продолжить жить. Для Иловайской, которая вынужденно погружена в обременительные хлопоты о большом имени, любовь-воспоминание к хорошему,

но несчастному человеку, бросающемуся от одного увлечения к другому в поисках смысла, неразрывно соединилась с поэтическим открытием мира божия как «фантастичного, полного чудес и чарующих сил». Любовь, оставшаяся в воспоминании, стала для девушки новым пониманием жизни человеческой как «прекрасной, поэтической сказки, в которой нет конца» [Там же, с. 474], в которой даже человеческое горе эстетизируется, и потому что оно человеческое, звучит музыкой, дарит наслаждение [Там же, с. 475].

Известное высказывание Чехова: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» [Там же, т. VII, с. 64], - перекликается с фразой из его записных книжек: «Мы всё только говорим и читаем о любви, но сами мало любим» [Там же, т. XVII, с. 30]. Любовь-воспоминание нередко остается в сфере мыслей, идей, не просто недоовоплощается в реальной жизни, но и бежит от реальной жизни.

Любовь-воспоминание присуща прежде всего чеховским героям, которых в критике нередко называли «тургеневскими» персонажами. Например, В. Г. Короленко говорил о Лихареве: «Чехов очень верно наметил старый тип Рудина в новой шкуре, в новой внешности, так сказать». Критик Н. Ладожский считал, что в рассказе «На пути» «перед читателем вырастает фигура русского Дон-Кихота, пожалуй, Рудина и вспыхивает и угасает любовь к нему хорошей девушки» [Цит. по: Там же, т. V, с. 674].

Сцена прощального свидания в рассказе «Верочка» действительно напоминает сцену свидания Рудина и Натальи Ласунской у Авдюхина пруда. Огнев, чеховский человек на randevу, у которого, как у тургеневского Рудина, склонность к умственным упражнениям преобладает над сердечными порывами, так же, как тургеневский герой, проявляет слабость и нерешительность и не может найти в «своей душе даже искорки» любви к девушке, которая, очевидно, нравится ему, но, увы, только как «милый образ» [Там же, т. VI, с. 78]. Поэзия и эмпирическая реальность для героя оказываются несводимыми полюсами жизни, и потому ему не удается попытка, «подзадоривая себя воспоминаниями, рисуя насильно в своем воображении Веру» [Там же, с. 81], обрести нечто большее и реальное, чем «следы памяти» [Там же, с. 70]. Автор явно иронизирует по поводу восторженного высказывания расчувствовавшегося молодого человека: «В жизни ничего нет дороже людей!» [Там же, с. 71]. На самом деле, дороже Огневу оказываются воспоминания об этих людях. Характерна композиция рассказа, который выстроен как «воспоминание в воспоминании», как своеобразная «матрешка воспоминаний».

Рассказ начинается предложением «Иван Алексеевич Огнев помнит...» [Там же, с. 69], и уже из этого помнит, из воспоминания о печальном свидании с Верочкой и неудачной попытке возвращения, извлекаются более ранние воспоминания героя о чудесных днях, проведенных в гостеприимном *N*-ском уезде, и его воспоминания о будущем, когда герой предвкушает, о чем и как будет вспоминать он лет через десять. И неслучайно настоящее время глагола «помнит», на котором настаивает автор и которое обозначает повторяющееся действие. Герой был прав, что «от этих встреч не остается ничего больше, кроме воспоминаний» [Там же, с. 70], но ошибся в том, что, обратившись в воспоминание, «все это <...> теряет для него навсегда реальное свое значение» [Там же], поскольку милые образы со временем не потускнели и продолжают жить в сознании, может быть, ярче, чем раньше. Иван Алексеевич Огнев *помнит*.

Изображение несбывшейся любви, оказавшейся с самого начала в ловушке воспоминаний, в рассказе «Верочка» подготавливает любовную историю художника из рассказа «Дом с мезонином» и может послужить одним из объяснений психологических мотивов поведения этого героя.

Заметно перекликаются начала обоих рассказов. Первая фраза «Дома с мезонином» так же, как и «Верочки», указывает, что перед читателем рассказ-воспоминание: «Это было 6-7 лет тому назад, когда...» [Там же, т. IX, с. 174]. Знакомство Огнева с ленивой тихой и покойной жизнью «радушных Кузнецовых» началось весной и закончилось теплым лунным августовским вечером. «Ласки хороших людей, природа и любимый труд» [Там же, т. VI, с. 73], «серебряные звуки» [Там же, с. 74] птичьего пения, чудные запахи, загадочные белые туманы, лунный свет на садовых аллеях, бесконечные ночные споры, море наливки, узкий мостик со столбиками — все это послужило великолепными декорациями для маленькой драмы чеховского героя и, в конце концов, полученные впечатления, как об этом и мечтал сам Огнев, вылились в «хороший слиток золота» [Там же, с. 75] его воспоминаний. Первая встреча художника с Лидой и Женей состоялась тихим летним вечером, душным от запаха хвои, в золотых закатных лучах солнца, когда пела иволга. Пейзаж пронизан светлым и печальным мотивами минувшего (старые аллеи елей и лип, старушка иволга, прошлогодняя листва, заходящее солнце) и пронзительной красоты, недолго обитающей в бренном мире, но вечно живой во сне воспоминаний. «На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве» [Там же, т. IX, с. 175]. «Мне показалось, что и эти два милых лица мне давно уже знакомы. И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон» [Там же]. Вся атмосфера способствует появлению на свет новых поэтических впечатлений-воспоминаний художника и возникновению его любви, в самый момент своего рождения явившейся именно как любовь-воспоминание.

Отдавал ли отчет своим чувствам сам художник, знал ли, в кого был влюблен на самом деле: в Женю, которая любила его, или в Лиду, которая его не любила? Воспоминания о сестрах идут рука об руку, неслиянно и неразлучно. Испытывая «тихое волнение, точно влюбленный», чеховский герой жаждет говорить не о Жене или о Лиде, ему «хотелось говорить про Волчаниновых» [Там же, с. 182]. Для любви-воспоминания не столь важен предмет, на кого она обращена, потому что ее роль — служить дверью в идеальный мир, свободный от всего сиюминутного и наносного.

Вот только поведение и образ жизни (не прекрасный внешний облик!) Лиды, которая постоянно, может быть, ненамеренно, но настойчиво, даже агрессивно, возвращает художника к «трезвому, будничному настроению» [Там же, с. 190], не соответствующим романтическому (усадебному идеалу) и поэтическому любовному настроению художника. И чувства героя сосредотачиваются на милой, открытой навстречу мечтам и любви Жене.

Художник, давно не испытывавший вдохновения, благодаря влюбленности рождается вновь как творец. И желание творить возвращается к художнику не только от общения с Женей, но и от того прекрасного эстетического целого, той усадебной поэзии, частью которой она является. «Нас до ворот провожала Женья, и оттого, быть может, что она провела со мной весь день от утра до вечера, я почувствовал, что без нее мне как будто скучно и что вся эта милая семья близка мне; и в первый раз за всё лето мне захотелось писать» [Там же, с. 182]. И чем больше поэтических впечатлений дарит любовь, тем богаче становится королевство воображения, тем меньше художник ощущает себя чужим в этом идеальном мире: «Я нравился Жене как художник, я победил ее сердце своим талантом, и мне страстно хотелось писать только для нее, и я мечтал о ней, как о своей маленькой королеве, которая вместе со мною будет владеть этими деревьями, полями, туманом, зарею, этою природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным» [Там же, с. 188-189]. «Девушка имела для него громадное значение: она превратила его в поэта, а себе тем самым подписала смертный приговор как возлюбленная» [6, с. 30], - оценивал подобную ситуацию Константин Константиус.

Может быть, не такой уж бессмысленный вопрос задавал современник Чехова: «Ведь Пензенская губерния не за океаном, а там, вдали от Лиды, он беспрепятственно мог бы сочетаться с Женею узами брака» [Цит. по: 14, т. IX, с. 495-496]? Свободная от обыденности романтическая любовь-воспоминание и узы брака — две вещи несовместные. И, охарактеризовав художника «эротоманом» [Цит. по: Там же, с. 496], критик Скабичевский тоже невольно попал «в точку». Любовь-воспоминание всегда пронизана тонким изысканным чувственно-эротическим ароматом.

«Чеховизмом в миниатюре» назвал А. Голомб короткий рассказ «Шуточка», подчеркивая его типичность в смысле тематико-психологических особенностей чеховского творчества и манеры письма. Анализируя поэтику рассказа, исследователь, сам того не подозревая, обнаруживает в главных персонажах «Шуточки» черты эстетического мировосприятия по Киркегору: не только любовь рассказчика к Наденьке совершенно не стремится перейти границы воспоминания, но и сама героиня создает творческую «контролируемую фантазию», пронизанную эротическими мотивами. В ее любви-воспоминании «наслаждение и разочарование сливаются воедино» [3, с. 126], а отстраненность от реального человека достигает апогея: место влюбленного в мечте девушки занимает ветер. А. Голомб отмечает: «В данной ситуации “ветер” превращается в кодовое слово, обозначающее иллюзию, галлюцинацию, особо развившееся аудио эротическое искусство переживания» [Там же, с. 127].

Апофеоз любви-воспоминания в прозе Чехова — рассказ «О любви». Здесь мы увидим все классические приметы любви, которую переживает и юный романтик в книге Киркегора «Повторение».

Заметим, что монолог Алехина во многом направлен на достижение публичного «театрального» эффекта. Это вполне естественно для рассказчика, не желающего ударить в грязь лицом перед редкими слушателями. Алехин преподносит Буркину и Ивану Ивановичу искреннюю, но всё же только одну из возможных, собственную версию случившегося, отточенную со временем в его воспоминаниях и размышлениях, а потому слегка аффектированную, поэтически отшлифованную, что обнаруживает в герое черты «эстетика» в киркегоровском смысле.

В рассуждениях Алехина о вариантах развития любовных отношений явно слышны литературные, тургеневские ноты. У чеховского героя сложилось представление об идеальной любви и ее, так сказать, «атрибутах», целая концепция любви, во многих отношениях романтическая. Будничности Алехин противопоставляет возвышенное чувство, которое продолжается долго и счастливо, не сталкиваясь с низменными проявлениями обыденности, чувство, которое гармонирует с жизнью духа, проявляющейся в занятиях наукой или искусством, или служении благородному делу, в духе Инсарова. Герой идеального любовного романа представляется Алехину личностью непременно выдающейся, неординарной — т.е. героем романтическим в исключительных обстоятельствах. Это Рудин, оказавшийся на баррикадах.

Герой проживает одновременно в двух мирах — сфере идеального, хранимой им «робко и ревниво» [14, т. X, с. 72], и в скучной реальности, которая открыта посторонним, в которой есть только каждодневный утомительный быт, но нет и намек на героические баррикады.

Идеальное представление о любимой женщине не было ничем омрачено для Алехина лишь в начале их знакомства, когда впечатления от встречи с прекрасной, обаятельной, умной, доброй женщиной сливались для чеховского героя с воспоминаниями о матери, о детских привязанностях, тайнах, ощущениях: он «почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комоду у моей матери» [Там же, с. 69]. Вспомним, что с воспоминаний о детстве начиналась и любовь художника в «Доме с мезонином».

Любовь-воспоминание Алехина также овевана легким манящим чувственным флером, на который намекают тонкие эротические детали: «Мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга» [Там же, с. 73].

Для чеховского героя осуществление романтической любви изначально невозможно, немислимо практически, но возможно, мыслимо лишь в сфере воспоминаний. «Затем всё лето провел я в Софине безвыездно, и

было мне некогда даже подумать о городе, но воспоминание о стройной белокурой женщине оставалось во мне все дни; я не думал о ней, но точно легкая ее тень лежала на моей душе» [Там же, с. 69], — признается Алехин, желая донести до своих слушателей необычность, высоту, бесплотность своей романтической любви. До самого конца чеховский герой не решится отказаться от этой идеальной, почти в духе Платона, легкой тени и «овеществить» ее как реальную, земную женщину, которая порой бывает усталой, раздражительной и может «лечиться от расстройства нервов» [Там же, с. 73]. Символично, что после объяснения Анна Алексеевна и Алехин едут рядом, в соседних купе, но, на самом деле, бесконечно далеко друг от друга, заключенные каждый в своем купе, как в разных мирах. Мир воспоминаний и реальность расходятся окончательно.

Так же, как для юного киркегоровского мечтателя, для Алехина обрести возлюбленную в реальности, а не в воображении, совместить идеальное чувство с реальностью оказывается не только невозможно, но и не нужно. «Она стала частью его существа, и память о ней была вечно свежа» [6, с. 30], — как выразился о подобной ситуации киркегоровский персонаж.

Авторское отношение к любви-воспоминанию в творчестве Чехова неоднозначно. «Любовь. Или это остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьется в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, дает гораздо меньше, чем ждешь» [14, т. XVII, с. 77]. С. Г. Бочаров назвал эту запись «романтической на свой чеховский лад философией» [1, с. 337]. Важно заметить, что интерес Чехова сосредоточен на настоящем, поскольку здесь и сейчас закладывается будущее и определяется способность человека быть. «Свой чеховский лад», на наш взгляд, проявляется именно в неоднозначном отношении к романтической любви, игнорирующей настоящую действительность. И в целом для Чехова свойственен, скорее, *анти*-романтический взгляд на любовь-воспоминание, иронический модус изображения романтической любви, отнюдь не исключающий представления об онтологической значимости любви вообще.

В «Доме с мезонином» в изображении чувств художника преобладают лирические ноты, неслучайно сам Чехов в одном из писем признается: «У меня когда-то была невеста... Мою невесту звали так: “Мисюсь”. Я ее очень любил. Об этом я пишу» [14, с. 103]. Однако по отношению к Алехину автор явно ироничен и заметно от него дистанцирован. Любовь-воспоминание не делает Алехина, самого обычного человека, творцом (если не считать его умения увлечь рассказом своих слушателей), не дарит вдохновение, хотя и дает ему некоторое отдохновение от хозяйственных забот в мире мечтаний. Рассказ «О любви» — третья часть «маленькой трилогии», разоблачающей разного рода «футляры» человеческой жизни. Ирония автора проявляется в том, что «футляром» для человека может оказаться все, что угодно, даже любовь, если она старательно избегает реальности.

Двойственное, даже ироническое отношение к любви-воспоминанию (не лишенное и самоиронии) сближает Чехова с Киркегором. Любовь-воспоминание киркегоровского и чеховских героев демонстрирует явный «разрыв между внутренним миром поэтических фантазий и реальным процессом жизни, когда первый лишен реальной силы, а второй — серьезного смысла» [9, с. 585].

Опираясь на идеи Киркегора, Пауль Тиллих, философ-экзистенциалист XX века, приходил к выводу о том, что «для нашего отношения к культуре характерна эстетическая отстраненность, делающая эрос двусмысленным. <...> Двусмысленность культурного эроса — в отстраненности от выраженных им реальностей, и, следовательно, в исчезновении экзистенциального участия и конечной ответственности. Крылья эроса становятся крыльями бегства. Культура используется безответственно» [12, с. 156].

Датский философ считал, что любовь-воспоминание характеризует прежде всего эстетическую стадию жизненного пути и противостоит любви-долгу, реализуемой на этической стадии. О последней Киркегор проповедует в «Деяниях любви»: «Если вы хотите быть совершенным в любви, стремитесь выполнить этот долг в любви, любите человека, который перед вами, любите таким, каким его видите, со всеми его недостатками и слабостями; любите его, когда он целиком изменился, даже когда он вас больше не любит, но, быть может, не хочет уйти или полюбить кого-нибудь еще, любите, каким вы его видите, когда он предает вас или отворачивается от вас» [11, с. 80]. Любовь-долг, или любовь-деяние, требует от человека духовной зрелости.

Любовь-воспоминание балансирует на грани иллюзии или самообмана. Однако и Киркегор и Чехов знают силу и важность такой любви, которая служит отражением или знаком настоящего чувства, способного осуществиться в реальности. «То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может, есть нормальное состояние. Влюбленность указывает человеку, каким он должен быть» [14, т. XVII, с. 14], — убеждает Чехов в записных книжках. «Усиленное вспоминание — вечное выражение зарождающегося чувства, знак истинной любви» [6, с. 29], — уверяет киркегоровский герой. Об этом ярко свидетельствует, например, рассказ Чехова «Дама с собачкой», герои которого проходят сначала испытание любовью-воспоминанием, а затем и любовью-деянием, являющей попытку человека слить воедино идеальное с реальным.

«Жизнь — это актуальное бытие, а любовь — движущая сила жизни. В этих двух положениях выражена онтологическая природа любви. Без любви бытие не становится актуальным. Она побуждает все, что есть, стать большим, чем оно есть. Жизнь обретает свою природу в человеческом опыте любви», — подчеркивает Пауль Тиллих [12, с. 149].

По Киркегору этическая любовь, или любовь-долг, любовь-деяние, должна воплощаться в христианском браке, основанном на выборе нравственного долга, хотя конфликт между эстетикой и этикой в творчестве датского мыслителя до конца останется непреодоленным.

В произведениях же Чехова неоднократно демонстрируется, что брак в современной ему форме утратил свое изначальное духовное наполнение (связанное с религиозными убеждениями) и перестал удовлетворять идеалам личностной любви. Содержание брака уже не только не соответствует заповедям апостола Павла, но и противоречит им. Неслучайно рассказ «О любви» начинается с истории Пелагеи и Никанора, иронически характеризующей современное состояние брака, парадоксальность и запутанность ситуации. «Так как он был пьяница и буйного нрава, то она не хотела за него замуж, но соглашалась жить так. Он же был очень набожен, и религиозные убеждения не позволяли ему жить так; он требовал, чтобы она шла за него, и иначе не хотел, и бранил ее, когда бывал пьян, и даже бил» [14, т. X, с. 66]. Красивая Пелагея интуитивно чувствует, что ее иррациональная любовь не только не соответствует устоявшейся форме, но и не нуждается в ней, поскольку брак с буйным пьяницей чреват официальным закрепощением и неизбежным бесконечным страданием. Повар Никанор, напротив, стремится строго придерживаться «обездушенной» формы («буквы» брака), забывая об изначальном сакрально-символическом статусе мужа в браке, как его толковал апостол: «муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5, 22-25).

Гуров и Анна Сергеевна, герои рассказа «Дама с собачкой», любят друг друга *вне* брака, «как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья; им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках» [Там же, с. 143]. Личностная любовь свободно выбирает этические обязательства, но лишена признанной этической формы. «Потом они долго советовались, говорили о том, как избавиться от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться подолгу. Как освободиться от этих невыносимых пут?» [Там же]. Гуров и Анна Сергеевна бьются над разрешением этого неразрешимого вопроса, «и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается» [Там же]. Официальный брак, связывающий людей отношениями несвободы и подавляющий личность, предстает в чеховских произведениях не просто привычной устаревшей формальностью, но становится атрибутом внешнего мира, отражением *невыносимых* пут безличной социальной реальности, которая воспринимается чеховскими героями как аналог дурной бесконечности, всесильного Ничто, поглощающего человеческое «Я».

Список литературы

1. Бочаров С. Г. Чехов и философия // Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 328-346.
2. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
3. Голомб А. «Дело не шуточное». Грезы, вымысел и реальность в «Шуточке» // Диалог с Чеховым: сб. научных трудов в честь 70-летия В. Б. Катаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 119-142.
4. Дэрбах Э. Трагедия и романтизм в пьесах Ибсена, Стриндберга и Чехова // Ибсен, Стриндберг, Чехов. М., 2007. С. 13-28.
5. Катаев В. Б. Истинный мудрец // Философия Чехова: материалы международной научной конференции (г. Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.) / ред. А. С. Собенников. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 68-75.
6. Кьеркегор С. Повторение. Опыт экспериментальной психологии Константина Констанция / пер. П. Г. Ганзена, сверенный с оригиналом, исправленный, дополненный и прокомментированный Д. А. Лунгиной; вводная статья Д. Стюарта. М.: Лабиринт, 2008. 208 с.
7. Коли О. Кьеркегор / пер. с фр. Е. Калантаровой. М.: Астрель; АСТ, 2009. 192 с.
8. Кьеркегор С. Наслаждение и долг / пер. с датск. П. Ганзена. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
9. Мареев С. Н., Мареева Е. В. История философии (общий курс). М.: Академический Проект, 2004. 880 с.
10. Роде П. П. Сёрен Кьеркегор, сам свидетельствующий о себе и своей жизни / пер. с нем. Н. Болдырева. Челябинск: Урал LTD, 1998. 430 с.
11. Сёрен Кьеркегор. Жизнь. Философия. Христианство / сост. и пер. с англ. И. Басс. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 243 с.
12. Тиллих П. Любовь, сила и справедливость // Трактаты о любви / сост. О. П. Зубец. М., 1994. С. 147-157.
13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 12-ти т. М.: Наука, 1978. Т. 6. 776 с.
14. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 18-ти т. М.: Наука, 1974-1982.

CHEKHOV AND KIERKEGAARD ABOUT LOVE-MEMORY

Tat'yana Borisovna Zaitseva, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Department of Russian Literature
 Magnitogorsk State University
 tbz@list.ru

The author for the first time reveals and analyzes the typological similarity of the artistic-philosophical conceptions of romantic love-memory in the works of Chekhov and Kierkegaard, which is based, according to the author's opinion, on the similarity of their ideas about the aesthetic and ethical way of existence, and considers significant differences of Chekhov and Kierkegaard's views concerning their attitude to official Christian marriage.

Key words and phrases: artistic philosophy; existentialism; aesthetic and ethical stage of living way; conception of romantic love-memory; two worlds; gap between ideal and reality; love-duty; marriage.